

Владислав Ходасевич

Безглавый Пушкин

Диалог

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

OCR Бычков М. Н.

Писатель входит в комнату своего друга. Здравается и говорит сейчас же:

-- Слушайте, угостите-ка меня чаем. Устал сегодня, жарко, пить хочется.

Друг. Чай мы сейчас устроим. Вид у вас плохой, это верно.

Писатель. Говорю вам -- устал. И кроме того -- расстроен.

Друг. Что-нибудь с вами случилось? Не расскажете ли?

Писатель. Со мной ничего не случилось, но вот узнал я одну вещь -- и расстроился. Говорят, во Владимире толпа солдат снесла голову у памятника Пушкину.

Друг. Э, рано расстраиваетесь. Из того, что теперь говорят, надо верить одной двадцатой, не больше. Может быть, даже и памятника-то Пушкину во Владимире нет и никогда не было. А может быть, есть и стоит невредимо.

Писатель. Дорогой мой, мне важно не то, было это на самом деле -- или этого не было. Допустим, что слух вздорный. Плохо то, что если этого даже не было, то вполне могло быть. Другие эксцессы того же порядка были, мог быть и этот.

Друг. Ну, был, ну, что ж делать! Конечно, памятники, как произведения искусства, составляют общенародное достояние. Понимаю вас: вы всю жизнь отдали искусству, и вам больно, когда...

Писатель. Э, дело не в этом. Может быть, с точки зрения искусства памятник был такой скверный, что его давно надо было убрать. Дело тут не в искусстве, а совсем в другом. Знаете ли, я думаю, что самосуды над памятником хуже, чем самосуды над живыми людьми.

Друг. Что? Как вы сказали? Я не ослышался?

Писатель. Нет, не ослышались. Я, конечно, не так глуп, чтобы думать, будто вещь, какая бы она ни была, может быть дороже человека. Но вся эта история мне важна не сама по себе, а лишь потому, что она собой знаменует. Ведь в разгроме ни в чем не повинной *вещи* больше *бессмыслицы*, чем в убийстве ненавистного человека. Живой человек может собой представлять живое действующее зло. И хотя это ужасно, все же в расправе с ним есть хоть какой-то грубый практический смысл. Но когда человек в порыве ярости уничтожает вещь, которая для него безвредна и безопасна, -- тут становится страшно. Ведь уж тут ничего не усмотришь, кроме голой, дикой, звериной ярости: тут -- падение человека, еще менее греховное, чем в убийстве, но еще более жуткое, потому что оно, повторяю, бессмысленно.

Друг. Я вас понимаю. Но вы, пожалуй, делаете ошибку, причисляя уничтожение памятников к уничтожению "ни в чем не повинных" вещей. Памятник -- не просто вещь. Это не стул, не матрац. Памятник может быть очень даже "повинен" -- и это смотря по тому, кого и что он собой олицетворяет. Вон в Киеве снесли памятник Столыпину. Уверяю вас, что будь я в ту минуту в Киеве -- я бы, пожалуй, сам помог повалить его.

Писатель. А, друг мой, -- тут-то мы с вами и подходим к самому главному. Очень важно, конечно, какой памятник, то есть кому и чему он поставлен. Но на минуту мы этот вопрос оставим... И столыпинского памятника не надо было громить. Памятник все-таки ни в чем не виноват.

Друг. Нет, виноват в том, что он -- олицетворение всего свергнутого строя. Он -- памятник нашего вчерашнего рабства, он символ самых позорных страниц в истории самодержавной России. Не хочу смотреть на него, не хочу, чтобы он мне мозолил глаза.

Писатель. Ну, и уберите его куда-нибудь. Будущий музей русской революции естественно распадется на два отдела: в одном будут собраны документы и предметы, повествующие о борьбе народа против царизма, в другом -- памятники того, как царизм боролся с народом. Если в первом отделе найдут